

не обойдешься" (стр. 53, 54). Такимъ образомъ онъ даже не знаетъ различія между терминами логическими и грамматическими, какъ будто это одно и тоже. Занятія ариметикой, сколько мы могли понять, у автора тоже по старинному способу, чисто отвлеченныя.

При большемъ времени для занятій, при болѣе правильномъ по-сѣщеніи школы и при двухъ учителяхъ, г. Рачинскій допускаетъ расширеніе программы для сельской школы, вводя въ нее, кромѣ ариметики, геометрію, физику, отчасти географію и исторію. Той педагогической системы, которая, при элементарной формѣ, вводила бы по частямъ всѣ эти знанія въ тѣсномъ объемѣ, удобномъ и для обыкновенной, существующей у насъ школы, г. Рачинскій не знаетъ и не признаетъ. Но расширеніе программы, при предполагаемыхъ имъ условіяхъ, можетъ осуществиться изъ тысячи развѣ въ одномъ случаѣ, слѣдовательно, объ этомъ не стоитъ и говорить. Важнѣ замѣчанія автора о земледѣльческихъ и ремесленныхъ школахъ, которыя, по его мнѣнію, нужно совершенно отдѣлить отъ школъ грамотности, такъ чтобы учащіеся поступали въ нихъ уже окончивъ элементарное образованіе. Это мнѣніе совершенно справедливо. Но остановимся подробнѣе на обученіи русскому языку, гдѣ опять высказываются своеобразныя воззрѣнія автора.

Г. Рачинскій довольно милостиво назначаетъ кругъ писателей для чтенія въ народной школѣ. Сюда, по его мнѣнію, могли бы войти: драмы Шекспира, Иліада и Одиссея Гомера въ русскомъ переводѣ, Потерянный Рай Мильтона, Ундина Жуковского, Семейная Хроника Аксакова, нѣкоторыя произведенія Лажечникова, Загоскина, Дала, „Князь Серебряный“, А. Толстого. Но больше всего подходитъ къ народной школѣ Пушкинъ и гр. Л. Толстой съ его книгами для народнаго чтенія: этихъ книгъ, по его мнѣнію, могли будто бы не опѣнить развѣ только ослѣпленные поклонники Виктора Гюго (стр. 57). Зато г. Рачинскій чрезвычайно немилостивъ ко всѣмъ остальнымъ писателямъ Гоголевскаго періода: Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ,—всѣ они, по его словамъ, претятъ учащимся въ народной школѣ; народъ минуетъ ихъ, какъ писателей непонятнаго ему переходнаго времени, и они очень удобно могли бы быть вычеркнуты изъ русской литературы. Мы не будемъ доказывать г. Рачинскому, что Гоголь, Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ тоже заслуживаютъ нѣкотораго вниманія рядомъ съ Загоскинымъ, Лажечниковымъ и Аксаковымъ. Противъ рѣшенія народа что же подѣлаешь? Намъ только беретъ одно сомнѣніе. Намъ кажется, что если бы г. Рачинскій жилъ 50 лѣтъ тому назадъ, то сказалъ бы: „Лишь Ломоносовъ, Сумароковъ и отчасти Державинъ могутъ быть воспитательны для народа, а Пушкинъ—это язва переходнаго времени, которой